АЛЕКСАНДРА
КАПЛУНОВА

В пирогах СЧАСТЬЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К20

Иллюстрация *П. Косулиной*

Каплунова, Александра Вячеславовна.

К20 В пирогах счастье / Александра Каплунова. — Мо-сква : Эксмо, 2027. — 416 с.

ISBN 978-5-04-248045-4

Попасть в другой мир — полбеды. Хуже обнаружить себя подавальщицей в захудалой таверне, которая принадлежит угрюмому герою войны. Когда-то его имя знало всё королевство, но теперь, лишившись своего дара, он не живёт — скорее существует. Зато у меня по-прежнему есть умелые руки, упрямство и твёрдая уверенность: нет такой беды, которую нельзя исправить хорошим пирогом!

Вот только стоило взяться за дело и захудалая таверна начала превращаться в пекарню, как на пороге один за другим появились беспризорные дети, а неприятностей стало больше, чем посетителей. И когда для спасения всего, что мы успели создать, мне предложили ещё одну совершенно безумную затею — договорной брак с хозяином таверны, — я согласилась.

В конце концов, это всего лишь сделка. Главное — не забыть об этом, когда угрюмый герой войны вдруг начнёт улыбаться. И выяснится, что некоторые беды пирогами всё-таки не исправить.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248045-4

© Каплунова А., текст, 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

Глава 1

Пахло старой сырой тряпкой. Что было очень странно: Настася как раз на днях выкинула их из моего ведра под ванной и заставила открыть упаковки с новыми.

Понять в темноте, откуда идет противный запах, было сложно, и я потянулась к тумбочке возле кровати, чтобы включить свет.

Под руку что-то попалось, кажется, чашка? Я опрокинула ее и услышала, как вода закапала на пол. Очень странно, потому что я не имела привычку таскать воду в комнату. Попить можно и на кухне.

А вот лампу я так и не нащупала.

Пришлось подниматься с постели. И что еще показалось интересным... Никаких усилий для этого прикладывать не пришлось. А ведь в свои шестьдесят пять я не могла похвастаться крепкой спиной. Слишком много таскала тяжестей в свое время, и мешки с мукой на женской спине бесследно не прошли.

— Да что такое? — Я опустила ноги на пол, но вместо теплого прикроватного коврика под ступнями оказались шероховатые доски.

Я даже дернула ноги, прижав их к груди. И — о чудо! — снова вышло так легко, словно... Словно в молодости!

Задумалась. Помню, что читала после ужина книгу... Внучка как раз заезжала, рассказала, что в моей пекарне все отлично. Плакала почему-то.

Мысли безнадежно путались.

Кажется, плакала она уже не у меня дома. А в больнице?

Издалека послышались негромкие голоса. Я заозиралась, но было так темно, что я и своей руки, почти прижатой к лицу, не видела.

— Нина Николаевна, вы меня слышите? — Мужской незнакомый баритон прорезался сквозь пространство. Словно я радиоволну поймала.

— Кто здесь? — Я снова закрутила головой.

— Нина Николаевна, вам дана вторая попытка.

— Что?

— Вторая попытка. Вы говорили, что любви хотите.

Да что за чертовщина? Кто со мной разговаривает? О чем он вообще?

— Она дезориентирована, надо было сначала... — На этот раз прозвучал женский голос, такой мягкий, певучий.

— Разберется. Заканчивайте! Нина, не профукайте вторую попытку, уж будьте добры.

По глазам вдруг ударил яркий свет. Словно мне в лицо включили прожектор.

А едва проморгавшись, я наконец увидела, где оказалась. Бедная комната, вся деревянная. И сидела я на старой кровати, укрытая не то старым

шерстяным одеялом, не то мешком из-под картошки. Поди разбери.

Да только самым удивительным было не это...

Я вытянула перед собой руку с абсолютно гладкой молодой кожей.

Покрутив руку перед собой, я на всякий случай сжала и разжала пальцы. Те послушались. Тогда я ощупала свое лицо, прежде покрытое морщинами. И — о чудо! — морщин не было.

Обвела взглядом комнату. На стене напротив обнаружилось зеркало. Вот к нему-то я и подскочила. Не прошаркала, не подошла осторожно, а подскочила! Дело ли?

И что там оказалось? Да я там и была... Только лет на сорок моложе, чем привыкла.

С неверием ощупала свое лицо. Гладенькое, мягкое, точно попка младенца. Глаза ясные, темные. Волосы шикарной гривой по плечам, безо всякой седины.

Задышала чаще. Как-то тошно сделалось, к горлу аж подступило. Ну нет, панику оставляем и начинаем думать.

Я отошла обратно и снова уселась на кровать.

Ночь, улица, фонарь, аптека... Тьфу ты! Что в голову лезет?

Еще раз.

Ночь. Я спала у себя дома. Или нет?

Нет... Память наконец начала работать. Кажется, когда приехала Настасья, мне вдруг стало плохо. Внучка вызвала неотложку. Помню, как двое молодых людей, симпатичных таких, помогли спуститься в машину скорой помощи. И палату больничную

помню. Настася плакала... И другие внучатки опосля приехали. Все родные собрались, кажется.

Горечью сжало сердце, но поняла в этот момент, что путь мой там завершился. И сейчас хоть тоской в груди и сверлило, а на глазах выступили слезы, все ж ощущение какой-то завершенности имелось. Достойная тихая жизнь.

Тихая — ключевое слово.

И одинокая — тоже. Муж ушел, оставив с двумя детками. В те времена я лишь и могла, что работать, чтобы их прокормить. А потом... Потом внуки пошли, другие заботы. Так и прожила одна. Любви в моей жизни было довольно, а вот женского счастья...

Вот и вздыхалось порой у окошка, что поезд-то уже ушел. Не ушел даже — умчался. Поди догони.

И тут — вот. Вторая попытка, значит? Кто ж это мне так подсобил?

Взгляд сам собой поднялся. А потом я прикрыла глаза да выдохнула тихое «спасибо».

Протеста внутри не ощущалось. Все было как-то... правильно. Понять бы только, где это правильно, и почему я, собственно, в такой нищете очутилась.

Сырой тряпкой, кстати, попахивало именно мое одеяло. Я даже поморщилась и отодвинула его подальше. М-да, непорядок. А еще внутренне усмехнулась. Вот скажи кому — не поверят! Оказалась вдруг снова молодой, не пойми где, а ни паники, ни испуга нет.

Интересно только.

Я поднялась с «роскошной» кровати и огляделась в поисках одежки. На мне сейчас была лишь длинная ночная рубаха. Ткань еще такая грубая, ца-

рапучая. Вот уж никак для исподнего не подходила. И можно уже сделать кое-какой вывод... Почти пустая обшарпанная комната, плохонькая обстановочка... Я подхватила со стула платье и вытянула его в руках... Да, и одежка бедная, залатанная.

Богачкой меня точно не назовешь.

Ну, главное, что не на улице очухалась и хоть кой-чего, да имею.

Быстро переоделась, причесала волосы да крадучись подошла к двери.

Снаружи было тихо. Вообще ни звука. Окон в моей комнатушке не было, только кровать, тумбочка, шкаф с одной створкой и стол со стулом. На столе горела лампа, похожая на масляную.

Ладно, чего теперь трястись?

Отодвинула засов (а он был весьма внушительный) и выглянула наружу. Длинный коридор шел в обе стороны. А моя клетушка была аккурат под лестницей. Все здесь было такое же деревянное. А еще пахло... Нет. Воняло! Скверно.

Кислятиной какой-то несвежей.

Поморщившись, я вышла в коридор и пошла налево.

— Эй, Нинка! — услышала вдруг окрик.

В первый миг, честно признаться, не поверила, что меня здесь моим же именем кличут. Обернулась и увидела полную женщину. При виде меня она скривилась, уперла руки в бока.

— Опять дрыхнешь! Петухи давно проорали, а тебе хоть бы хны! В зале грязища какая!

— Доброго утра. — Я решила не вестись на эту провокацию и улыбнулась незнакомке.

У той лицо перекосило пуще прежнего. Один глаз, кажется, даже дернулся.

— Чего сказала?

— Доброго утра, — повторила уже осторожнее. А ну как окажется, что тут не принято его желать?

Женщина нахмурилась, пожевала губу, точно пытаясь что-то сообразить.

— Ты что, головой ударилась?

— Нет. — Я усмехнулась. Разве ж вежливость — это плохо?

— Ну доброго тогда, коль не шутишь. — Что ж она такая настороженная? — Завтракать будешь?

Ну вот, пара добрых слов, и мы уже сменили гнев на милость.

Я прислушалась к себе и поняла, что голодна. Кивнула.

— В кухню пошли, пока Вилен спит.

Не знаю, кто такой этот Вилен, но в кухню я пошла.

Женщина, тяжело ступая, отправилась вперед по коридору, махнув мне рукой. Смотреть тут было особо не на что... Грубо сколоченные доски тянулись и по полу, и по стенам, и по потолку. Ни картинок тебе, ни цветов в кадках, никаких других украшательств.

Пол грязный, даже подошвы залипали кое-где, словно пол столетиями не мыли. Под ногами моей провожатой он натужно скрипел, будто вот-вот собирался провалиться.

Я шагала за ней, стараясь не дышать полной грудью — запах кислятины становился сильнее по

мере того, как мы углублялись в мрачный деревянный лабиринт.

— Чего с тобой вчера-то приключилось? — спросила женщина, кинув на меня взгляд через плечо. — Говорят, как чумная была, чуть не рухнула, когда тебя приволокли.

— Приволокли? — Я вопросительно выгнула бровь. — Кто приволок?

Она оглянулась снова, прищурившись, словно я задала самый глупый вопрос на свете.

А похоже, у новой меня очень интересная жизнь.

— Да ты чего, Нинка? Сама, что ли, не помнишь? Вилен тебя и притащил! Кто ж еще? Злой был как черт, говорят. — Она все же остановилась и снова уперла руки в свои пышные бока. Оглядела меня с сомнением. — Хотя... Ты странная сегодня. Совсем странная.

Я не успела ответить, потому что звуки, доносившиеся из коридора, заставили замереть нас обеих. Тяжелые, глухие шаги. Они раздавались сверху, с лестницы, возле которой мы остановились. И перемежались с каким-то грохотом, словно кто-то еще и в стену долбил время от времени.

Моя новая знакомая побледнела и зашипела на меня:

— Быстро на кухню! И молчи, поняла? Молчи как мышь!

Не дожидаясь моего ответа, она схватила меня за локоть и толкнула вперед. Мы свернули за угол, и я увидела дверь, ведущую в небольшую кухню. Она буквально втащила меня в комнатку, захлопнула дверь и заперла на засов.

— Сиди здесь и не рыпайся, — прошептала она, бросив на меня странный, почти жалостливый взгляд. Пихнула за островок со столешницей в центре помещения. — Если он тебя найдет в кухне, мне хана. Да и тебе тоже.

— Кто — он? — прошептала я в ответ, но она уже отвернулась, приникнув ухом к двери.

Шаги остановились прямо за порогом. Сердце у меня заколотилось как бешеное. А после на дверь обрушился стук. Да такой силы, что, казалось, дом содрогнулся.

— Дульсинея, открывай! — И голос такой сиплый, злой.

Не задавая вопросов, я нырнула за шкаф в дальнем конце кухни и притаилась.

Глава 2

Украдкой-то я, конечно, все равно поглядывала из-за угла. А то мало ли — вдруг Дульсинее помощь какая понадобится? На стене сковороды, если что, чугунные висят.

— Вилен, ты успокойся сперва, потом уж открою, — заискивающим тоном отозвалась женщина.

— Она у тебя! Я видел! Нина! Ну-ка вылезай!

Так, значит, это он меня ищет?

Нахмурилась.

Это что ж такое вчера произошло, что этот мужлан на меня такую злобу затаил? Как там Дуся ска-

зала? Приволок он меня вчера, словно бесноватая была? А, нет... Чумная.

Я покусала губу, поразмыслила да вышла из своего укрытия. Начинать новую жизнь вот в таком тоне я совсем не желала.

— Уйди! — Дульсинея замахала на меня руками, чтоб я на место, значит, вернулась. А я лишь кухню взором обвела...

Скалка или сковорода?

Всякое в пекарне случалось... И порой гостей нежданных в той, прошлой своей жизни, я встречала в одиночестве. А за любимое место всегда горой стояла. Ну, и за себя, само собой. Когда детей одна растишь, привыкаешь невольно, что ты и за мать, и за отца.

Вот и сейчас выбор пал в пользу скалки. Длинная, увесистая. Я ее в руку-то взяла, сама усмехнулась.

Дуся икнула, явно не привычная к такому моему поведению. Ну да ничего, пущай заново привыкают.

— Отойди-ка, — велела я, отодвигая ее от двери.

С той стороны загрохало снова.

Не дожидаясь, пока стук прекратится, я отперла засов...

Мужчина непонятного возраста, небритый, весь помятый, какой-то изможденный даже, ввалился в дверной проем. Похоже, он стоял, опираясь одной рукой и стуча другой, потому что равновесие его подвело. Бедолага едва лицом в пол не улегся.

— Ну-ка... — Я перехватила его за ухо, чего болезный никак не ожидал. Тут же лицо такое не-

счастное сделал, зашипел от боли, а сам едва ль не на корточки присел, за руку мою хватаясь.

А я в довесок перед лицом его скалку сунула.

— Ты орать-то прекращай, господин хороший. — Я уставилась ему прямо в мутные глаза. Сейчас, когда он чуть присел, мы оказались аккурат на одном уровне. — И дом громить почем зря.

— Да ты ополоумела совсем, девка? — зашипел он мне в лицо, обдавая запахом перегара.

Вот упертый.

Я ухо-то ему еще подкрутила, отчего он крякнул сдавленно, да потащила за собой. Два шага понадобилось, а потом я его прямо головой в бочку с водой окунула.

За ухо-то когда тянешь, особенно ежели правильно ухватить, мало кто устоять сумеет. А я этой техникой владела преотлично.

Главное, теперь в воде не выпустить.

Дульсинея, кажется, снова икнула, но я пока на нее не оборачивалась. Надеюсь, она его защищать не полезет.

Потянула голову хмельного на свет божий. После студеной водицы он воздух ртом хватать принялся и отфыркиваться. А сам еще краснее на глазах становился.

— Еще разок, — поняла я и снова его в воду ухнула.

Он пытался то руку мою от головы своей отнять, то до меня дотянуться, но я ему за это под зад скалкой наподдала.

Рыпаться еще будет, гад! Не таких в свое время усмиряла!

— Охолонился? — спросила, когда он во второй раз из воды вынырнул.

На меня смотрели злющие синие глаза. Молодой он, кстати, оказался. Лет тридцати, наверное. И протрезвел, похоже.

То-то же.

— Да, — рыкнул сердито, но больше брыкаться не пытался. Глядел только чуть прищурившись да морду кривил.

— Поговорим?

— Ну давай, Нина...

Мы прошли к островку со столешницей. Я уселась на стул, Вилен занял место напротив, потирая пострадавшее ухо.

Дульсинея подала ему полотенце... Ну, или что-то, что им когда-то было. Сейчас оно скорее напоминало видавшую виды тряпку. Впрочем, Вилена сие не смутило. Он обтер сперва лицо, а затем и волосы, с которых прямо за ворот стекало. Я едва удержалась, чтобы не поморщиться брезгливо.

Он уставился на меня. Взгляд хмурый, сам сидел, опершись вперед на локти. С многодневной небритостью, далекой от модной в моем мире. Глаза не то синие, не то голубые. Симпатичный вполне, ручищи сильные. При большом желании он бы точно сумел из моей хватки вырваться... Но что-то в нем не так было. Только что именно, пока понять не сумела.

— Дульсинея сказала, что ты меня вчера откуда-то приволок. — Я начала разговор первой.

Вилен фыркнул и головой покачал. И уставился с подозрением, чуть склонив голову к левому плечу.

— Это последний раз был, так и знай. — И пальцем в меня тыкнул. — Больше не стану.

— Ты на вопрос-то ответь, — усмехнулась я.

— Слушай, Нина, я в эти игры...

— Нет никаких игр. Не помню я ничего, что до сего дня было. — Я решила не уточнять причину и уж тем более говорить, что я не та Нина, которую они знали. Но вот понять, кем была прошлая владелица тела, будет не лишним.

— Ой, Нинка, скажешь тоже! — Дульсинея, что возилась у плиты с туркой для кофе, обернулась. На ее лице весьма четко обозначился скепсис.

— Скажу. И повторю еще раз. — Я решила настоять на своем. — Ничегошеньки не помню. Так что случилось вчера?

Вилен с Дусей переглянулись. Гляжу, уже и серьезность во взглядах появилась.

— Чай, не брешет? — Кухарка Дуся, или кто она была в этом доме, оторвалась от своего занятия и с сомнением уставилась на меня.

— Не брешет, не брешет, — фыркнула я. — И чем быстрее вы мне расскажете, что вчера приключилось, тем лучше.

Вилен издал какой-то странный звук. Не то фыркнул, не то усмехнулся пораженно. Волосы опять свои этим недополотенцем растер да на меня снова уставился.

— Ты, конечно, всегда с прибабахом была, но чтоб такие байки травить... — Он скривил обветренные губы.

Не верят. Ладно, еще разок зайдем...

— Байки не байки, ты расскажи лучше, откуда ты вчера меня приволок. И что было со мной.

— Ты вот вроде и не пьешь, а хуже меня еще...

— Мне опять тебя в бочку макнуть, чтоб язык развязался?

Вилен прошил меня злым взглядом.

— Попробуй только, — зашипел он.

А я брови вздернула, с вызовом. И скалку, на столе передо мной лежавшую, поправила. Вилен поморщился, явно оценив перспективы.

— Ты забываешься, по-моему, — прорычал он и отвернулся. Не прошло и нескольких секунд, как он все же заговорил:

— Городовой уже после полуночи пришел. Я как раз последних посетителей выпроваживал... Он и сказал, что тебя в переулке в двух кварталах отсюда нашли. Только ты к себе никого не пускала. Орала как больная и факелом размахивала.

Дульсинея пробубнила что-то себе под нос и с осуждением поглядела на меня.

Вилен продолжил:

— Ну, я и пошел. Городовой знает, что я церемониться не стану... Я и не стал.

– Угу, — кивнула я. Надо ж, бесцеремонный нашелся. — А что случилось-то? Не просто ж так я себя вела...

Никакого похмелья я за собой не чуяла, да и вообще тело было по-приятному сильным и здоровым. Привычной старушечьей тяжести не ощущалось: так и хотелось в танец или вскачь пуститься, чтобы проверить — насколько.